

УДК 94:336.027+336.276(47)"190"

ЕВРОПЕЙСКИЕ РЫНКИ КАПИТАЛОВ И ВНЕШНИЙ ДОЛГ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.*О. В. Баев***EUROPEAN CAPITAL MARKETS AND THE EXTERNAL DEBT OF RUSSIA IN THE EARLY 20TH CENTURY***O. V. Baev*

Статья посвящена финансовому взаимодействию правительства Российской империи с европейскими рынками капиталов в начале XX века. Это был период одного из мировых экономических кризисов, в ходе которого финансовые отношения России и Европы претерпели определённую трансформацию. На основе анализа архивных документов автор прослеживает динамику внешнего долга России (получение нового займа, погашение уже имеющихся долгов, изменение их условий), выявляет причины данных процессов, делает вывод о всё большей обусловленности зарубежного долга России не только экономическими, но и внешнеполитическими обстоятельствами. Результаты работы могут быть использованы как в процессе преподавания курса истории России начала XX века в образовательных учреждениях среднего и высшего образования, так и для обслуживания внешнего долга современной России.

The paper is devoted to financial cooperation of the Government of the Russian Empire with European capital markets in the early 20th century. This was one of the periods of the global crisis when Russian-European financial cooperation underwent a certain transformation. On the basis of archives analysis the author traces Russia's external debt dynamics (including the new loan, acquittals, changes in terms of loan), brings to light the causes of the process, makes a conclusion that it was not only economics but the foreign policy as well that conditioned the external debt of Russia. The results of this research can be used in teaching Russian History of the 20th century in secondary and higher educational institutions, as well as in external debt service of contemporary Russia.

Ключевые слова: Европа, Россия, внешний долг, мировой экономический кризис, Витте.

Keywords: Europe, Russia, external debt, global economic crisis, Witte.

В начале XX в. мировая экономика переживала очередной экономический кризис. Втянутой в него оказалась и Россия. При этом российская экономика переживала кризис тяжелее, чем ведущие мировые экономические державы, так как была отягощена значительным внешним долгом. «Особенностью экономики России начала XX века была большая внешняя задолженность, росту которой способствовали как наличие дефицитов в бюджете, так и широкое финансирование железнодорожного строительства» [31, с. 119]. Из 274909743 руб. общей суммы платежей по государственному долгу на проценты и погашение срочных внешних займов в 1901 г. планировалось израсходовать 60041378 руб. (55339834 руб. на проценты и 4701554 руб. на погашение), а на проценты и погашение внешних бессрочных займов – 6548253 руб. (4775783 руб. на проценты и 1772470 руб. на погашение) [16, с. 277, 278].

Но если в конце XIX в. на европейском кредитном рынке можно было найти свободные и притом дешёвые деньги, то в первые годы XX в. проценты за кредиты значительно возросли, что затрудняло получение внешних займов [11, с. 308, 309].

Министерство финансов также осознавало, что положение России осложнялось отливом иностранных капиталов по причине уменьшения разности между размерами ссудного процента у нас и на Западе Европы и крупными расходами на Дальнем Востоке (сооружение Китайско-Восточной железной дороги, строительство и содержание флота в Тихом океане, издержки по управлению и обороне на Квантунском полуострове, расходы на военные действия в Китае). Кроме того, неблагоприятное влияние имели плохие

урожаи последних лет, уменьшившие вывоз за границу и тем ухудшившие торговый баланс [8, 1901, с. 54].

В условиях экономического подъёма конца XIX в. российская казна была менее заинтересована в получении внешних займов, но в условиях кризиса ситуация кардинальным образом изменилась. Известный экономист П. П. Мигулин объяснял это так: «Сокращение государственных займов (а с тем и подъем нашего государственного кредита) обусловлено было притоком иностранных капиталов в нашу промышленность, но с наступлением промышленного кризиса этот приток прекратился – отсюда новые крупные заграничные займы и сбыт за границу займов старых» [13, с. 489]. «Кризис 1899 – 1900 гг. также застал нас неподготовленными и в 1901 – 1902 гг. пришлось спешно пополнять запасы, обратившись за займами опять-таки к внешним рынкам» [13, с. 1037].

Проблема усугублялась тем, что в условиях кризиса возрос спрос на капиталы внутри стран, традиционно инвестировавших в российские ценные бумаги. «Заграничные капиталисты не могли дать русскому правительству денег на прежних условиях, а взять их на всяких условиях значило подорвать государственный кредит, объявив о нашей несостоятельности. Пришлось займы приостановить. А тем временем заграничные капиталисты, нуждаясь в наличных деньгах, начали реализовать русские бумаги, приобретенные в свое время ими по очень дешевым ценам. Бумаги стали притекать обратно в Россию, что сопровождалось отливом за границу наших прежних золотых запасов» [13, с. 413]. По сведениям Министерства финансов уже к концу 1900 г. в Россию возвратилось

более чем на 100 млн руб. свидетельств 4 % ренты [1, с. 51].

Правительство попыталось принять меры к удержанию за границей размещенных уже там русских ценных бумаг. В своё время переходу некоторого количества свидетельств 4 % ренты за границу способствовали превращение рубля из кредитного в золотой, превращение 4 % ренты в основную государственную процентную бумагу и замена рентой части обращавшихся за границей российских ценных бумаг (в т. ч. «Восточных займов») [3, 1901, № 3, с. 138].

27 ноября 1900 г. Комитет финансов рассмотрел записку министра финансов об освобождении от сбора с доходов от денежных капиталов свидетельств 4 % государственной ренты, принадлежащих иностранным подданным, не проживающим в Российской империи. При этом члены Комитета финансов д. т. с. Маркус и т. с. Сабуров восприняли эту особую льготу для иностранных владельцев как нарушение принципа равноправия в ущерб русским подданным, однако в конечном итоге она была одобрена большинством [23, л. 14 – 23], а 4 (17) декабря и санкционирована силой Высочайшего указа [17, т. 20, отд. 1, с. 1077].

10 января 1901 г. вышло распоряжение министра финансов об условиях и порядке освобождения от сбора с доходов от денежных капиталов. Льгота эта предоставлялась тем иностранным подданным, не проживающим в Российской империи, которые внесли бы свои бумаги в указанное Министерством финансов кредитное учреждение для пересылки в Государственную комиссию погашения долгов, выдававшую именную квитанцию в приеме на хранение бумаг, причем льгота начиналась не ранее, как по истечении 3-х месяцев со дня внесения ренты в соответствующее кредитное учреждение, то есть со срока купона, следующего за текущим при внесении, который оплачивается с удержанием 5 % сбора. Указанными кредитными учреждениями были «De Rotschild frères», «E. Hoskier et C-ie», «Hottinguer et C-ie», Crédit Lyonnais, Banque de Paris et des Pays-Bas, Comptoir National d'Escompte de Paris, Société générale de Crédit Industriel et Commercial, Société générale pour favoriser de development du Commerce et l'Industrie en France, «Mendelssohn & Co», «S. Bleichröder», Discontogesellschaft, «M. A. von Rotschild & Söhne», «N. M. Rotschild & Sons», «Hope & Co», «Lippmann, Rosenthal & Co», «John Peirpont Morgan», «August Belmont & Co», «Baring, Magoun & Co» и National City Bank of New York [28, 1901, № 5, с. 48 – 50].

Правительственный «Вестник финансов» мотивировал принятую меру как акт справедливости по отношению к иностранным держателям российских ценных бумаг, которые не должны подлежать купонному налогу как виду налога подоходного. При издании в 1885 г. закона о сборе с доходов от денежных капиталов предполагалось иностранцев этому налогу не подвергать, но вследствие трудности определения в каждом данном случае, принадлежит ли бумага иностранцу или нет, в основание освобождения от налога решено было положить не признак личный (национальность владельца), а объективный (род бумаги). В результате этот налог не был распространен ни на займы, уже размещённые за границей, ни на вновь

выпускаемые займы, для которых оба признака (национальность владельца и род бумаги) совпадали [3, 1901, № 3, с. 138].

С целью увеличения сбыта 4 % ренты за границу Министерство финансов предприняло также конверсию 4½ % внутренних займов 1890, 1892 и 1893 гг., принадлежащих сберегательным кассам, в 4 % ренты [13, с. 389]. Однако сбыт ренты за границу в 1901 г. оказался крайне неуспешным. «Deutsche Bank», взявшийся продать ренту на сумму до 1500000 руб. по цене 96,25 %, производил продажу в течение нескольких месяцев. «Замечается вообще тенденция к подъёму цен на ренту внутри России и к падению их за границей. От этого, несмотря на все привилегии для заграничных держателей ренты, она продолжает притекать к нам из-за границы и чтобы предотвратить этот прилив, Министерство финансов принимает меры к искусственному понижению цен на ренту» [13, с. 390, 391]. В Лондоне сделок с 4 % рентой практически не было, чем Ротшильд объяснил исчезновение её котировок из бюллетеня Лондонской биржи [21, л. 436, 436 об.]. Уже в 1915 г. Министерство финансов констатировало, что за границей обращается ренты всего на 130 млн руб. «Рента продолжала оставаться внутренним займом и даже те свидетельства, которые по некоторым конверсиям были реализованы за границей, продолжали возвращаться в Россию» [25, л. 29, 30].

Тогдашний министр финансов России С. Ю. Витте допускал заключение Россией новых внешних займов за границей. Во всеподданнейшем докладе о государственной росписи на 1902 г. он писал, что «при правильном ведении хозяйства обыкновенные расходы всегда должны покрываться из обыкновенных доходов, а чрезвычайные расходы, предназначенные на производительные цели, могут, обыкновенно без ущерба для финансовой устойчивости хозяйства, быть производимы на счет займов» [8, 1902, с. 61]. Однако Россия к тому времени была обременена крупными займами, размещёнными за границей и в основном израсходованными на покрытие военных расходов, поэтому С. Ю. Витте считал увеличение задолженности очень опасным [8, 1901, с. 51]. Профессор П. А. Никольский также считал необходимым уменьшение государственного долга с целью ослабления напряжённости бюджета [15, с. 538].

Однако для возмещения Государственному казначейству сумм, выданных обществу железных дорог и для выдачи дальнейших ссуд при таких трудных обстоятельствах приходилось заключать заем [14, с. 391]. При этом английская газета «The Statist» еще в январе 1901 г. считала, что если бы России потребовалось обратиться к займу, то она имела возможность отложить его до тех пор, пока не выговорит себе выгодных условий [21, л. 25 об.].

К тому времени основным местом размещения российских заёмов стал Париж. Финансовый кризис менее всего затронул Францию, в то время как Лондон как мировой финансовый центр отошёл на второй план [27, с. 342]. К 1900 г. держателями (в основном мелкими) облигаций русских займов было более 10 млн французов [26, с. 34].

Однако на рубеже XIX – XX вв. Франция всё теснее стала связывать размещение русских займов с проблемами своей внешней политики. В 1900 г. представители французского и русского генеральных штабов в ходе совещаний дополнили русско-французскую военную конвенцию статьей, предусматривавшую взаимную помощь в случае войны между Англией и одной из договаривающихся сторон. Россия обязалась, что если Англия совершит агрессию против Франции, сконцентрировать на границах Афганистана от 300 до 380 тыс. солдат для наступления в сторону Индии. Чтобы позволить России ускорить концентрацию своих сил, в Париже должен был быть размещен новый заем на сумму в 425 млн франков для финансирования строительства стратегической железной дороги Оренбург – Ташкент [6, с. 184].

В связи с этим французский посол в Петербурге Монтебелло писал министру иностранных дел Делькассе: «В случае, если нас попросят о кредите, нам следовало бы оговорить нашу финансовую помощь условием, что часть средств, которые мы согласились бы предоставить, будет использована на строительство только интересующей нас линии» [6, с. 217, 218].

При этом ресурсы французского фондового рынка были далеко не безграничны. Министр финансов Кайо писал 13 ноября 1900 г.: «Я признаю, что поскольку Россия является нашим союзником, очень трудно закрыть ей доступ на наш рынок. Но все же следовало бы иметь определенные, ясные, ограниченные предложения, чтобы мы могли, приняв их, оценить размеры и значение наших уступок» [6, с. 214].

В феврале 1901 г. на совещании начальников генеральных штабов России и Франции генерал Пендзек предложил денежную помощь при постройке стратегических железных дорог [10, с. 90, 93]. К тому времени у России имелось согласие французского правительства допустить к котировке во Франции в течение 1900 – 1901 гг. закладные листы Государственного дворянского земельного банка на сумму еще 150 млн руб. Этим правом Витте решил воспользоваться для выпуска рентного 4 % займа в 159 млн руб. (424 млн фр.) [1, с. 208]. Эта сумма соответствовала объёму ссуд обществам железных дорог в 1900 – 1901 гг. [24, л. 5].

По мнению П. П. Мигулина, своими действиями Витте повторял действия предшественников. «В начале 1901 г. начались переговоры с парижской фирмой братьев Ротшильд о реализации на французском рынке нашего железнодорожного займа, но выпускаемого уже непосредственно от имени правительства. Так же как Рейтерн, начав гарантированными займами частных железнодорожных обществ, кончил выпуском целого ряда консолидированных железнодорожных займов на английском рынке, а Вышнеградский – на русском, так и восьмилетняя практика в министерство С. Ю. Витте привела к тем же результатам: выпуску государственного консолидированного железнодорожного займа» [13, с. 485, 486].

В результате переговоров Витте с Ротшильдом было предложено образовать синдикат из «первоклассных французских кредитных учреждений» и 4 русских банков (Международного, Учётного и ссудного, Русского для внешней торговли и Волжско-

Камского). Твёрдую цену за заем, даваемую банкирским синдикатом, установили в 95¾ %. Доход в размере 4 % годовых было предложено уплачивать 4 раза в год, а погашение могло начаться не ранее 1916 г. Русское правительство отказывалось от права выпуска новых русских государственных и гарантированных государством железнодорожных займов до 1 марта 1902 г. (не считая условленной уже с германскими фирмами реализации гарантированных займов на сумму 80 млн марок нарицательных). Эмиссионная цена была предложена Ротшильдами в 97½ %, но Витте потребовал эмиссионную цену не менее как из 98 % ввиду того, что одновременно в Париже на 4 % русские консолидированные железнодорожные займы определялись в 100,84 %. Ротшильд нашел возможным принять эмиссионный курс в 98 %, согласившись даже поделить с русским Государственным казначейством прибыль, если бы заем удалось реализовать по цене более высокой. Все расходы по выпуску займа (в том числе на печать) братья Ротшильд брали на себя, кроме уплаты штемпельного заграничного сбора и по изготовлению облигаций [24, л. 1 – 7 об.].

27 апреля 1901 г. Витте провел условия данного займа через Комитет финансов [24, л. 8 – 13] и на следующий день с синдикатом, в состав которого вошли, кроме братьев Ротшильд (взявших на себя 214 млн франков), парижские фирмы Hottinguer et Cie, Banquede Paris et des Pays-Bas, Crédit Lyonnais (каждый по 40 млн), Comptoir National d'Escompte de Paris, Société générale (оба по 20 млн франков) и Crédit Industriel et Commercial (10 млн франков) и 4 петербургских банка, взявшие каждый по 10 млн франков, был подписан соответствующий договор. Номинальная сумма займа составляла 159 млн руб. = 424 млн франков = 342592000 марок = 16769200 ф. ст. = 202672000 голл. флоринов = 81620000 долл. США. Заем был разделен на 53 серии по 3 млн руб. в каждой и назван «4 % консолидированной рентой». Заем выпускался купюрами в 1, 5 и 25 облигаций каждая по 187,50 руб. = 500 франков = 404 марки = 19 ф. ст. 15 шилл. 6 пенсов = 239 голл. флоринов = 96,25 долл. США на предъявителя или именными. Текст облигаций составлялся на русском, французском, немецком и английском языках. Течение процентов начиналось с 1 июня 1901 г. (н. ст.), а выплачивался доход ежеквартально. Заем навсегда освобождался от любых русских налогов и сборов, а погашение могло начаться только с 1 (14) января 1916 г. Номера серий погашаемых облигаций определялись жребием и публиковались за счет Государственного казначейства в 2 газетах в Париже и Берлине и по 1 газете в Лондоне, Франкфурте-на-Майне, Амстердаме и Брюсселе. Срок давности по оплате купонов составлял 10 лет со дня платежа, а по оплате вышедших в тираж облигаций – 30 лет. Уплата процентов и выплата капитала по вышедшим в тираж облигациям производилась в Санкт-Петербурге в Государственном банке (рублями), в Париже – «Rothschild frères» (франками), в Лондоне – «N. M. Rothschild & Sons» (фунтами стерлингов), во Франкфурте-на-Майне – «M. A. von Rothschild & Söhne» (имперскими германскими марками), в Берлине, Гамбурге, Амстердаме, Брюсселе и Нью-Йорке – в

местах, назначенных министром финансов России. За оплату купонов и облигаций банки получали комиссию в $\frac{1}{8}$ %. Кроме того, пользуясь стесненными обстоятельствами российского правительства, банкиры выговорили себе еще одну льготу – вознаграждение по 10 сантимов за каждый обмененный купонный лист. Текущие, истекшие купоны и вышедшие в тираж облигации принимались по паритету в уплату таможенных пошлин, а не вышедшие в тираж облигации принимались в залог по договорам поставки с правительством. Банковский синдикат имел право выпустить заем в обращение в Санкт-Петербурге, Париже, Берлине и Амстердаме. Выручка по займу должна была быть внесена в 7 сроков (20, 15, 15, 10, 10, 10 и 20 %) с 10 июня 1901 г. по 15 февраля 1902 г. (н. ст.) Министр финансов мог совершать оплаты из этих средств только в Париже либо в форме тратт в другие места, которые Ротшильды обязаны были приобрести без дополнительных комиссионных [7, с. 413 – 420].

В этот же день министру финансов был дан именной указ «О выпуске российской 4 % консолидированной ренты». Заем предназначался для возмещения Государственному казначейству сумм, выданных частным железнодорожным обществам в 1900 г., и выдачи таковых сумм в 1901 г., а не на сооружение казенных железных дорог [17, т. 21, отд. 1, с. 291, 292]. При этом С. Ю. Витте в своем всеподданнейшем докладе на 1902 г. писал, что собственно надобности в займе не было и что он обусловлен «лишь предусмотрительным желанием иметь готовые средства на сооружение целого ряда железных дорог, столь важного значения, как Оренбург-Ташкентская, Северная и др.» [8, 1902, с. 64].

Тем временем в конце апреля или начале мая 1901 г. французский министр финансов Кайо через агента Министерства финансов в Париже обратился к Витте с просьбами о расширении прав владельцев облигаций иностранных обществ, действовавших в России, в случае несостоятельности этих обществ, предоставлении русским правительством заказов французской промышленности, выдаче русским Государственным банком 2-х миллионной ссуды Урало-Волжскому обществу и о поддержке его собственного предложения о гарантии предполагавшегося китайского займа [5, л. 1]. «Французское правительство не считало нужным маскировать свое намерение использовать русские займы во Франции как средство давления на русское правительство и требовало серьезных экономических уступок от самодержавия в уплату за предоставляемые кредиты. Действительно, французское правительство добивалось, чтобы средства, получаемые во Франции под высокий процент, употреблялись бы царизмом, во-первых, для оплаты промышленных заказов французским заводам и, во-вторых, на поддержку в России промышленных предприятий (попавших в связи с кризисом под угрозу банкротства), в которые были вложены французские капиталы» [1, с. 54]. Но сославшись на наличие письменного обязательства в виде ноты французского министра иностранных дел Делькассе от 8 (20) декабря 1899 г. не возражать против выпуска русским правительством на парижском рынке в 1900 – 1901 гг. зай-

ма в 200 млн руб., Витте решительно потребовал допущения к котировке 4 % займа и отверг все требования Кайо [1, л. 6, 7]. Французское правительство вынуждено было уступить.

28 апреля министр финансов опубликовал распоряжение об условиях и порядке выпуска займа, в соответствии с которым реализация 4 % консолидированной ренты производилась в банкирском доме «Rothschild frères» в Париже [28, 1901, № 40, с. 730, 731]. Заем был предложен подписчикам по 98½ % с рассрочкой на полгода и 98 % с уплатой наличными. Уступка ½ % для лиц, обязавшихся произвести уплату немедленно после развёрстки, была сделана для сокращения спекуляции. Нередко лица, подписывавшиеся с рассрочкой на облигации нового займа со взносом сравнительно незначительных сумм, старались как можно скорее сбыть свои облигации по повышенной цене, чтобы получить небольшой, но легко доставшийся барыш. Этим путем на биржу выбрасывалось значительное количество процентных бумаг, и, прежде чем новые облигации размещались в твёрдых руках, ценность их с самого начала выпуска подвергалась сильным колебаниям [3, 1901, № 20, с. 313].

Подписка была открыта в Париже 9 (22) мая и превысила нарицательную сумму займа в несколько раз. Подписавшиеся с обязательством единовременной уплаты получили по развёрстке 15 % заявленных ими требований на облигации, подписавшиеся же с рассрочкой взносов – 2½ % [3, 1901, № 20, с. 313, 314]. По мнению А. Финн-Енотаевского, это свидетельствовало о том, что на Западе денежный рынок в это время несколько улучшился [29, с. 157]. С другой стороны, для облегчения реализации займа был использован визит Николая II во Францию (таково было условие предоставления займа со стороны французского правительства) (см.: [2, с. 272]).

В течение 1901 г. от реализации 4 % консолидированной ренты («парижского займа»), было получено 127,2 млн руб. Всё поступление по займу за вычетом гербового сбора и платежа по купону определялось в 148,9 млн руб., из них поступление 21,7 млн было отсрочено по условиям реализации до февраля 1902 г. [8, 1902, с. 64]. По позднейшим данным выручка составила только 148,5 млн руб. [2, 1903, с. 67] или 93,378 %. «Государственное казначейство получило в свое распоряжение около 150 млн руб., которые помогли ему свести расчетный баланс 1901 г. без особого истощения прежних золотых запасов» [13, с. 393].

Правда, условия размещения займа оставляли желать лучшего. «Так как заем выпускался по курсу 98 за 100, а синдикатом он был принят по твердой цене около 95¾ % с возложением всех расходов (в том числе и уплаты гербового сбора) на русское правительство, то выручка по займу не превышает 94 %, что составит цену его 4,255 % действительных» [13, с. 393]. Гербовые расходы при реализации 4 % консолидированной ренты составили 1590000 руб., а операционные расходы – 107729 руб. [8, 1903, с. 49; 1904, с. 49.]

Независимая печать оценила заем очень негативно. Профессор Л. В. Ходский считал, что лучше обходиться без займов, если налоги и так велики [30,

с. 143]. Профессор П. П. Мигулин объяснял «необходимость и неизбежность заключения нами заграничных займов независимо от самого наилучшего сведения государственных росписей, даже при огромном превышении государственных доходов над расходами» неблагоприятным расчетным балансом [13, с. 488].

Параллельно выпуску данного займа Витте 3 (16) мая 1901 г. обратился к министру иностранных дел Ламздорфу с письмом, содержащим просьбу поручить русскому послу в Париже запросить согласие французского правительства на заключение во Франции в течение 1901 – 1903 гг. русских займов на сумму до 200 млн руб. (на постройку стратегической Бологое-Седлецкой дороги) [5, с. 25]. Возможно, в качестве средства давления на французскую сторону в июле 1901 г. во французских газетах появились слухи о скорой поездке Витте в Берлин и Лондон для заключения нового займа, которые были опровергнуты агентом Министерства финансов в Париже Ефроном [20, л. 148 – 150].

Тем не менее уже к началу июля удалось достичь окончательной договоренности по этому вопросу. «Французская сторона высказалась за то, чтобы 200-миллионный заем был произведен 3 выпусками: первый в течение 2 квартала 1902 г., второй – в 1903 г. и третий – 1904 г., и потребовала от русского правительства обязательства не делать других займов на французском рынке в течение этих 3 лет» [1, с. 70]. Витте согласился на предложенные условия [19, л. 54]. «А в августе Витте выторговал у французского правительства еще одну уступку: было условлено, что русское правительство могло не выпускать займа во Франции в 1902 г. и тогда имело право в случае необходимости заключить заем в 1903 г. в размере $\frac{2}{3}$ и в 1904 г. в размере $\frac{1}{3}$ всей обусловленной суммы в 200 млн руб., или, наконец, могло не делать займа в 1903 г. и выпустить в 1904 г. заем на все 200 млн руб.» [1, с. 70].

5 (18) сентября 1901 г. сразу после встречи с Вильгельмом II Николай II посетил Францию, чтобы продемонстрировать франко-русское единство, но значительная часть французской прессы обрушилась с критикой на финансовое и экономическое положение России, объясняя поездку Николая II подготовкой новых финансовых операций на парижском рынке [4, с. 37, 38]. Парижские газеты перепечатали из английского источника информацию о потребности России в займе для неотложных нужд на 630 млн руб. и отказе Франции в таком займе [22, л. 13]. Витте объяснял появление этих статей внутривнутриполитической борьбой во Франции, недовольством части французов экономической политикой России и агитацией русских эмигрантов [22, л. 54 – 63].

Литература

1. Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897 – 1914: очерки истории финансовых отношений. Л.: Наука, 1970. 316 с.
2. Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М.: Новости, 1990. 608 с.
3. Вестник финансов, промышленности и торговли. 1885 – 1917.
4. Витте С. Ю. По поводу появившихся в последнее время во французской прессе статей, направленных против России и ее финансов // Красный архив. 1925. Т. 3(10). С. 37 – 40.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1. Д. 284.

Французское правительство 3 (16) октября опровергло эти слухи, а через несколько дней агент Министерства финансов в Париже Рафалович заключил ряд сделок с представителями французских газет [1, с. 77 – 80], на что ему было выделено 60000 франков [22, л. 99]. Тем не менее в ноябре 1901 г. в парижских газетах опять появилась информация о русском займе на 1 млрд фр. [22, л. 183].

29 декабря 1901 г. Витте при представлении в Государственном совете бюджета на 1902 г. заявил об увеличении материального благосостояния страны и в качестве примера привёл большие размеры кассовой наличности, но государственный контролёр возразил ему, что данная кассовая наличность получена путём займа во Франции [18, с. 105, 106]. К тому же ни в 1901, ни в 1902 гг. не оказалось необходимым делать позаимствования из выручки 4 % консолидированной ренты 1901 г. для исполнения бюджета, поэтому данный заем оценивался как «преждевременный» [9, с. 18]. Платежи по внешним срочным займам в 1901 г. составили 55116549 руб. на проценты и 4722219 руб. на погашение, а по внешним бессрочным – 4805647 руб. на проценты без расходов на погашение [8, 1903, с. 41], то есть примерно соответствовали запланированным.

При этом можно проследить и процесс ухудшения условия российских займов во Франции. «С 1901 г. России деньги давать соглашались только в умеренном размере и иногда требовали даже от неё обязательств в течение известного и притом продолжительного времени не заключать новых займов» [12, с. 93]. Интересно, что финансово независимая от империи Финляндия в 1901 г. заключила при помощи Cr dit Lyonnais и других банков более выгодный $3\frac{1}{2}$ % заем на 25 млн фр. для железнодорожного строительства [3, 1913, № 38, с. 520] по курсу 92 % [32, с. 7].

Таким образом, начало XX в. ознаменовалось очередным кризисом взаимоотношений Российской империи с европейскими рынками капиталов. Рост потребности России во внешних займах не сопровождался соответствующей готовностью европейских финансистов эти потребности удовлетворять. К чисто экономическому аспекту кризиса (рост спроса на капиталы в самой Европе) добавился и аспект политический (желание оказать давление на Россию для «целевого» использования полученных ею средств). Тем не менее политическая заинтересованность Франции в России как союзнице позволила продолжить размещение российских займов в Париже, хотя их необходимость и эффективность использования ставилась под сомнение.

6. Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М.: Международные отношения, 1968. 328 с.
7. Договор министра финансов с синдикатом банков о выпуске 4 % консолидированной ренты // С. Ю. Витте. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. Т. 2. Кн. 2. М.: Наука, 2003. С. 413 – 420.
8. Ежегодник Министерства финансов. 1869 – 1916.
9. Езерский Ф. В. По поводу государственной росписи на 1903 год. Собрание сочинений. Т. VI. СПб.; М., 1903. С. 15 – 19.
10. Зайончковский А. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. [Л.]: Военная типография Упр. делами Наркомвоенмора и РВС СССР, 1926. 401 с.
11. Ионичев Н. П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX века). М.: Аспект Пресс, 2001. 399 с.
12. Л. Г. С. Ю. Витте и падение русского государственного кредита. СПб.: Изд-во А. Л. Арабидзе, 1907. 103 с.
13. Мигулин П. П. Русский государственный кредит. Опыт историко-критического обзора. Т. 3. Харьков: Печатное дело, 1907. 1217 с.
14. Министерство финансов. 1802 – 1902. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. Ч. 2. 692 с.
15. Никольский П. А. Золотые деньги в России // Вестник Европы. 1901. Кн. 8. С. 515 – 553.
16. Общая государственная роспись доходов и расходов на 1901 г. // С. Ю. Витте. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. Т. 2. Кн. 2. М.: Наука, 2003.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб: Государственная типография, 1885 – 1916.
18. Половцов А. А. Из дневника А. А. Половцова // Красный архив. 1923. Т. 3(3). С. 75 – 172.
19. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 560. Оп. 22. Д. 188.
20. РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 204.
21. РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 246.
22. РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 250.
23. РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 403.
24. РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 406.
25. РГИА. Ф. 583. Оп. 1. Д. 691.
26. Сироткин В. Г. Золото и недвижимость России за рубежом. М.: Международные отношения, 2000. 424 с.
27. Соловьёв Ю. Б. Международные финансовые отношения и французский денежный рынок в конце XIX в. // Проблемы истории международных отношений. Л.: Наука, 1972. С. 311 – 343.
28. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемого при Правительствующем сенате. СПб., 1863 – 1917.
29. Финн-Енотаевский А. Современное хозяйство России (1890 – 1910 гг.). СПб.: Типография Первой СПб. Трудовой Артели, 1911. 528 с.
30. [Ходский Л. В.] Новый консолидированный 4 % заграничный заем в 159 млн руб. Газетное прославление успеха займа // Народное хозяйство. 1902. Кн. 4. С. 143 – 144.
31. Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. 240 с.
32. Шюбергсон Э. Заграничный кредит Финляндии и его новые формы, предлагаемые ныне. СПб.: Государственная типография, 1909. 22 с.

Информация об авторе:

Баев Олег Валериевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КемГУ, baev-ov@rambler.ru.

Oleg V. Baev – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.